

DOI 10.5862/JHSS.244.11
УДК 130.2

В.А. Гура, О.Р. Пазухина

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ, РЕЛИГИИ, КУЛЬТУРЕ

В статье утверждается тезис о векторе исторического развития общества, направленном к развитию и обособлению личности. Личность понимается как степень развития внутренней мотивации человека, а также как относительная самостоятельность человека в его связи с внешними социальными условиями. Рассмотрены основные идеи древнегреческой религии, искусства, философии как свидетельства наличия личностного сознания и действия, что является порождением и одновременно условием социальных практик античного мира. К таким социальным практикам относятся демократические механизмы регуляции общественной жизни. Античная культура оценивается как отправная точка развития европейской культуры с ее базовой системой ценностей.

ЛИЧНОСТЬ; МОТИВАЦИЯ; КУЛЬТУРА; ДЕМОКРАТИЯ; СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ; САМОСОЗНАНИЕ.

То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем «я», бесконечно возвышает его над другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он личность...

Кант

Одна из важнейших проблем философии истории – направленность исторического развития, которая трактовалась разными мыслителями принципиально различным образом. Деграция, вечное повторение, Страшный суд, прогресс разума, рост производительных сил и экономическое процветание, нарастание степени свободы, отрицание направленности в истории – вот лишь немногие примеры рассмотрения этой темы в истории мысли [См., например: 1]. И всё же при всем разнообразии мнений мы можем уверенно констатировать, что одной из ведущих тенденций развития человечества является становление и развитие человеческой личности как автономного образования, неразрывного во внешних для него условиях и влияниях, возрастание ценности индивидуальности, ее неповторимых творческих проявлений. Тогда изучение конкретно-исторических условий и возможностей индивидуального самоопределения, его границ и перспектив становится важным инструментом в понимании смысла истории и значения ее отдельных эпох. Эта про-

блема выходит на первый план при осмыслении современного этапа развития человечества, когда, с одной стороны, ценность человеческой личности и ее прав является общепризнанной, с другой – современные механизмы политической, экономической, идеологической манипуляции низводят человека до винтика в большой геополитической игре, «превращают людей в марионеток» [2, с. 113]. «Тварь ли я дрожащая или право имею?» – вопрос героя Ф.М. Достоевского актуален, как и во времена написания «Преступления и наказания». Отвлекаясь от криминальной интерпретации этого вопроса (право на убийство другого человека во имя высокой и благородной цели), мы сталкиваемся с вечной проблемой возможности и права на самоопределение на фоне принуждения со стороны внешних общественных условий.

Изучение становления и содержания субъектности человека в истории неизбежно приводит исследователя к анализу античного культурного наследия. И это не случайно. Обращение к творениям эллинского гения фактически

является обязательным при любой попытке осмыслить духовную эволюцию своей страны, цивилизации, человечества. По справедливому замечанию А. Уайтхеда, «Греция была матерью Европе, и именно туда мы должны обратиться за истоками наших современных идей» [3, с. 62]. Именно в Древней Греции человек ощутил возможности разума, «восторг теоретического мышления» (Лосев). Отсюда начинается триумфальное шествие человеческой личности, отделившей в конечном счете свои интересы от божественных и социальных.

Как отмечают исследователи, «на общем фоне истории Древнего мира, да и не только древнего, греческая цивилизация воспринимается как нечто и в самом деле необыкновенное, как некое чудо или, если перейти на язык строгой науки, как резкое отклонение от общих норм, как неповторимое, уникальное явление, нигде и никогда более не встречающееся в истории человечества» [4, с. 8]. Прежде всего это касается уровня личной свободы, которой не было в других древних цивилизациях.

В иерархическом, сакрализованном социуме ранних цивилизаций, все социальные институты которого направлены на консервацию, сохранение существующих порядков, не было простора личному началу, индивид жестко вплетен в социальную структуру и выполняет заданную происхождением функцию. Первое значительное потрясение сакральных основ древних цивилизаций происходит в эпоху, названную К. Ясперсом «осевым временем». В Китае, Индии, Палестине формируются новые религиозные движения, которые прямо или косвенно выступают против существующих структур и обращаются к внутреннему миру человека, его сознанию.

Исследователи месопотамской литературы отмечают в ней нарастание психологизма, т. е. более или менее развернутых психологических вставок, в которых автор высказывал свое личное суждение о происходящих событиях. И хотя в целом месопотамская литература оставалась анонимной, всё чаще наблюдается указание на авторство. Увеличивается частота употребления личных местоимений, чаще делается вывод о возможности той или иной линии поведения. Библейский пророк Иеремия не только говорит от своего имени, но и дает оценку своей несчастной жизни: «Про-

клят день, в который я родился» (Иер. 20; 14). По мнению И.П. Вейнберга, анализ текстов ближневосточного региона «показывает значительный поворот ближневосточной исторической мысли середины I тысячелетия до н. э. к человеку, ее нарастающую во времени гуманистичность и антропоцентризм» [5, с. 206].

Как видим, и на Востоке вектор развития заключался в повышении личностного начала. Говоря о главных достижениях «осевого времени», К. Ясперс фактически ставит в один ряд проповедь Будды, деятельность израильских пророков и Зороастра, а также интеллектуальное творчество греческих мыслителей. Однако на Востоке (Ближнем) этот процесс, лишь наметившись, не получил дальнейшего развития. Не умаляя глубину и историческое значение идей и учений мудрецов Востока, мы, тем не менее, считаем античную философскую и научную мысль, да и культуру в целом, принципиально новым явлением истории, начальным пунктом в переходе к научно-технической стадии развития человечества.

Как исторический феномен личность возникла, когда оказалась необходимой для социальных практик определенного типа. Касаясь причин «греческого чуда» (Э. Ренан), большинство авторов справедливо указывают на демократическое устройство греческих полисов и ту значительную степень свободы, которой пользовались граждане этих полисов. Но возникает вопрос: как стали возможными демократия и свобода в Древнем мире, мире повсеместного насилия, деспотизма, безмерного порабощения и унижения человека? Вряд ли на данный вопрос возможен однозначный ответ, однако мы выскажем некоторые соображения на этот счет. В цивилизациях Древнего Востока исключительную роль играло государство, перед лицом которого все подданные были несвободными. Это, в свою очередь, определялось характером общественного производства, необходимостью мобилизации всех человеческих сил на строительство оросительных систем, защитных сооружений и т. п. Сам тип восточной общины предполагал строгую централизованную организацию производства, в рамках которого предполагалась специализация каждого работника. В целом восточные общества представляли собой некие сбалансированные системы. Стремление к

постоянству и равновесию было доминирующим в большинстве из них. Именно поэтому интеллектуальная энергия была либо направлена на поддержание существующей социальной структуры (Китай), либо ориентирована в глубины внутреннего мира личности (Индия).

Принципиально иные условия жизни в Северном Средиземноморье сформировали другой тип общины, которая включала относительно независимые патриархальные семьи. Обилие природных ресурсов, малая плотность населения способствовали развитию свободных и воинственных кланов, а объединение таких семей в полисы не позволяло одному роду стать выше других. Отсюда — необходимость выработки общего и безразличного к семейному авторитету закона жизни, выбор его из множества вариантов, выход на первый план индивида с его отличными от других запросами и талантами, ориентация на достижение личного успеха и самореализацию. Объединение равных требовало появления личности.

Таким образом, уже со второго тысячелетия до н. э. явно обозначились два типа адаптации социальных групп: восточный и западный. В первом случае человеческий индивидуум был элементом величественной государственной системы, выполняя в ней строго определенные социальные функции. Это был весьма эффективный способ жизнедеятельности, позволивший создать величайшие культурные ценности и накопить огромный хозяйственный опыт. Другой тип адаптации и выживания связан с формированием активной личности, не закрепощенной жесткой социальной иерархией, специализацией и религиозными нормами. Великой исторической предпосылкой будущего «греческого чуда» было весьма удачное сочетание двух типов жизнедеятельности. Как отмечал Ж.-П. Вернан, после крушения Микенского царства «из мировоззрения греков полностью исчезла личность божественного царя» [6, с. 31]. То есть в результате вторжения дорийцев был разрушен прежний сакральный миропорядок и возобладали дух вольной и динамичной общины. Однако наследие прежней Крито-Микенской цивилизации и соседство Вавилонского и Египетского царств не позволили грекам долго оставаться в первобытном, варварском состоянии. Удивительная восприимчивость греческого ума помогала относительно быстро усвоить цивили-

зационные культурные основы, а затем создать свою, столь оригинальную цивилизацию.

Культурные достижения восточных обществ послужили той стартовой площадкой, откуда свободный и активный европейский разум начал величественное и головокружительное восхождение. Здесь срабатывает принцип социокультурной эстафеты, суть которого заключается в том, что определенная цивилизация, добившись больших успехов в хозяйственном и культурном развитии, исчерпывает свои потенции и застывает на данном уровне. Социокультурную эстафету может принять формирующаяся цивилизация с более пластичными структурами и традициями. Достижения старой цивилизации, таким образом, попадают на новую почву, и образуются условия для их дальнейшего развития. Поэтому великие исторические достижения, интеллектуальные революции, как правило, связаны с продуктивным синтезом различных культурных традиций.

Греческая интеллектуальная революция происходит в сжатые исторические сроки. На рубеже IX–VIII вв. до н. э. греки создали свой алфавит, существенно изменив знаки финикийского письма и добавив в него гласные буквы. Удобный вид письменности и наряду с этим социальная потребность в образованных людях привели к распространению грамотности среди свободного населения. Примечательно, что юридическое закрепление демократических принципов и рождение теоретической мысли совпадают во времени. Имеются в виду реформы Солона (594 г. до н. э.) и создание первых философских систем. В конце VI в. до н. э. была принята конституция Клисфена, которая установила политическое равенство граждан. Она непосредственно предшествовала «золотому веку» в греческой истории, времени Перикла и Фидия, Софокла и Геродота, Анаксагора и Сократа. Демократические механизмы требовали выхода за рамки существующих практик, построения конкурирующих моделей возможного будущего, их обсуждения, аргументации без ссылок на освященные порядки и авторитеты, индивидуального выбора. В соответствии с этим складывались и схемы теоретического мышления, что привело к разработке «целого спектра философских систем, конкурирующих между собой, вводящих различные концепции мироздания и различные идеалы социального

устройства» [7, с. 32]. Такие социальные практики и такой стиль мышления приводили и к формированию личностного самосознания — пониманию отличия своего «я» от своей общины, своего права на индивидуальное самоопределение и внутреннюю мотивацию.

Таким образом, свобода древних греков, обусловившая их личностное развитие, не ограничивалась голосованием на агоре. Она проявлялась во всех сферах их жизни: в выборе профессии; праве на собственное понимание и толкование различных проблем, включая религиозные и мировоззренческие; свободе передвижения и т. п. Как пишет Аристотель, «свобода же понимается как возможность делать всякому что хочет. Вот и живет в такого рода демократиях каждый по своему желанию или „по влечению своего сердца“, как говорит Еврипид» [8, с. 551].

Именно дух реальной свободы способствовал развитию своего рода «избыточной деятельности». К ней мы относим и необычное для древних народов увлечение спортивными соревнованиями, литературное творчество и, особенно, стремление к чистому познанию. Только атмосфера личной и интеллектуальной свободы позволила Аристотелю высказать суждение: «Все люди от природы стремятся к знанию» [9, с. 65]. Платон говорит о любителях мудрости, стремящихся к знанию ради знания [10, с. 304].

Само появление философии свидетельствует о личностном развитии, поскольку философ в противовес традиции и обыденному знанию создает свою картину мира, говорит, как правило, от своего имени. Это противопоставление личного, индивидуального мировосприятия коллективному, традиционному четко выражено у софистов, особенно в протагоровском тезисе «человек есть мера всех вещей».

При этом на вопрос, был ли древний грек личностью, многие авторитетные исследователи, такие, например, как А.Ф. Лосев, И.С. Кон, дают отрицательный ответ. Разумеется, многое зависит от того содержания, которое вкладывается в понятие «личность». Если имеется в виду личность как результат тысячелетней социокультурной эволюции, включающей христианскую «школу» самодисциплины и диалектически «университеты» немецкой классической философии, то, безусловно, древний грек не мог быть личностью. Личность в широком смысле (не оценочном или конкретно-историческом

смысле) присутствует в истории всегда — как социальный тип человека, порождаемый определенным обществом, как совокупность общественно-необходимых черт, культивируемых социумом, как индивидуальное воплощение общества. Тогда развитость личностного начала — это степень индивидуализации общественного в отдельном человеке, отделенности его от социального поля, возрастание роли самостоятельной внутренней мотивации, стимулируемой самим обществом. В этом смысле Древняя Греция задавала именно такой вектор исторического развития, и для нас несомненно движение всей греческой культуры в этом направлении.

Это видно при анализе самого древнего пласта греческого культурного наследия — религии. Как известно, у древних греков не было канона священных книг. Мифы этого народа, содержащие представления о богах, дошли до нас в литературной обработке Гомера и Гесиода. Взаимоотношения богов и людей, как их изображает Гомер, во многом необычны для древних народов. Как отмечает Ю.В. Андреев, на общем фоне культурной истории Древнего мира религия греков «была явлением столь же своеобразным, как и вся греческая цивилизация» [4, с. 297]. Главная ее особенность состоит в предельной антропоморфизации богов. Греческие боги имеют многие человеческие черты: они могут радоваться и огорчаться, испытывают боль и обиду. Люди поклоняются богам, но одновременно нередко вступают с ними в спор, противоречат им и даже наносят телесные повреждения. Так, Гомер повествует о войне Диомеде, который ранил богиню Афродиту и бога Ареса. Суждения самого Гомера о богах часто неуважительны и насмешливы. Не случайно впоследствии его за это критиковал философ Ксенофан, а Платон даже предлагал запретить молодежи читать гомеровские произведения.

Разумеется, дело не в личной позиции Гомера. Народный поэт отразил в своем творчестве реальные представления своих соотечественников о богах. В целом эти представления вполне гармонируют с положением свободных и активных индивидуумов, каковыми и были древние эллины. Религия как социокультурный регулятор соответствовала особенностям общественных отношений, что и обусловило ее специфику.

И.С. Кон отрицает «личность» греческих богов. По его мнению, «при всей своей ан-

тропоморфности древнегреческие боги не были лицами в психологическом смысле этого слова. Они не обладают ни собственной внутренней жизнью, ни психическим единством. Это только персонифицированные силы, которые древний грек столь же легко объединяет, сколь и разделяет» [11, с. 146]. Заметим, однако, что автор говорит о персонификации, т. е. наделении богов личностными чертами. Главное же состоит в том, что греческая религия содержала в себе большой потенциал творческого, свободного, реалистического мышления. Можно согласиться с тем, что религия греков не была тотальной идеологической системой, «охватывающей и подчиняющей себе абсолютно все формы духовной и творческой деятельности человека, включая мораль, право, искусство, литературу, зачатки философской и научной мысли» [4, с. 297]. Греческому религиозному сознанию были чужды представления об ортодоксии и соответственно о ереси. Поэтому греческая религия в достаточной мере обеспечивала свободу и раскованность мысли еще до появления философии.

В древнегреческой религии и литературе мы видим движение от трактовки человека как всецело подчиненного року, открытого всем внешним воздействиям к пониманию его как субъекта с личным внутренним побуждением. Появляются мотивы вызова судьбе и богам. «В „Одиссее“ отражен переход от преимущественно внешнего стимулирования поведения к его внутренней регуляции моральными нормами» [12, с. 50]. Родившаяся из дионисийского культа драма отражала столкновение человеческой личности с богами и обществом. Движение греческой трагедии от Эсхила и Софокла до Еврипида отразило повышение роли актеров и снижение роли хора как коллективного, безличного участника театрального действия.

Развитие личностного начала заметно во всех сферах греческой культуры. Уже в гомеровских поэмах впервые появляется авторское самосознание. Поэт нередко высказывает свое суждение по тому или иному вопросу, дает оценки событиям и поступкам героев, о себе же говорит, не называя имени, как о слепом старце. Из литераторов первым сообщает свое имя в начале «Теогонии» Гесиод. С этого времени авторское самосознание отчетливо выражено в

художественной литературе, в исторических и философских трудах. Оно резко контрастирует с анонимностью, характерной для Ближнего Востока. Так, Геродот, приступая к изложению истории греко-персидских войн, четко формулирует свою авторскую позицию, тему и цель исследования.

Личностное начало проявилось также в возникновении лирической поэзии и драмы. В лирике выражаются чувства и настроения индивидуальной души, ее отличие от целого — коллектива, рода. Лирический поэт не только акцентирует внимание на личном, индивидуальном, интимном, он часто противопоставляет интересы личности и коллектива, бросает вызов традиционным вековым нормам. Это, например, отчетливо выражено в четверостишии Архилоха о брошенном щите на поле боя. И если в героическом эпосе личное самосознание автора лишь начинает проявлять себя, то в лирике оно доминирует, самовыражение поэта становится главным мотивом творчества.

Запечатлеть свое имя на создаваемых произведениях искусства, на предметах бытового обихода стремились художники, скульпторы, гончары. В первой половине VI в. до н. э. Теодор Самосский создает автопортрет в бронзе. Агонистическое начало в древнегреческой жизни, детально проанализированное А.И. Зайцевым, также свидетельствует о стремлении индивида выделиться из общего ряда, в максимальной степени проявить и реализовать свои дарования [См.: 13].

Демократия, политическое равенство граждан предполагали высокий статус человека в греческой культуре. Не случайно даже олимпийские боги по своей внешности не что иное, как физически совершенные люди, наделенные теми или иными сверхчеловеческими возможностями. Возвеличивание человека запечатлено в художественной литературе. В трагедии Софокла «Антигона» утверждается, что «в мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе никого».

Тем не менее Аристотель выступил против попыток поставить индивида выше социального целого. «Даже если для одного человека, — пишет он, — благо является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется благо государства, достижение его и сохранение. Желательно, разумеется, и

благо одного человека, но прекраснее и божественнее благо народа и государства» [8, с. 55].

Платон очень резко осуждал чрезмерную свободу как в области моральной, так и интеллектуальной. По мнению философа, сначала возникли «всеобщее мудрое самомнение и беззаконие, а за этим последовала свобода. Стали все бесстрашны, точно знатоки; безбоязненность же породила бесстыдство. Ибо дерзко не страшиться мнения лучшего человека — это, пожалуй, худшее бесстыдство и следствие чересчур далеко зашедшей свободы» [14, с. 172–173].

В эллинистический период, когда рухнула система полисной демократии, ликвидация политических свобод не устранила стремление человека к внутренней свободе. Наоборот, отстранение от активной роли в политической жизни вызвало усиление внимания к внутреннему миру человека, к собственной неповторимой жизни. Индивидуальное, личностное начало начинает доминировать в содержании основных философских систем этого времени — кинизме, эпикуреизме, стоицизме. Последний, рассматривая мир как господство внешней необходимости, трактовал дух человека как сферу свободы и независимости, где человек вправе заявить собственную нравственную позицию и при несовместимости ее с внешними условиями даже совершить самоубийство. Разнообразными становятся жанры художественной литературы. Складывается жанр автобиографии, эпиграммы, других популярных малых форм, бытового романа. По мнению историков античной литературы, «в эпоху эллинизма человеческая личность приняла почти все формы самоуглубления, которые отмечены и в новояз европейской литературе» [15, с. 196].

Таким образом, личностное начало в древнегреческом обществе в относительно короткие исторические сроки проделало огромную эволюцию. В гомеровскую эпоху мы видим отдельных героических индивидов, которые еще в значительной мере чувствуют себя зависимыми от божественных сил. Здесь нет полной поглощенности индивида родом, но и нет четко выраженного личного самосознания. Оно начинает формироваться в классический период, когда складывается система полисной демократии. Исследователи характеризуют взаимоотношения личности и общества на этом этапе как гармоничные [4]. Именно эта гармоничность со-

здала необходимые предпосылки для раскрытия творческих дарований древних греков.

В эпоху раннего эллинизма греческая цивилизация совершает великую экспансию на Восток, неся в древние страны свою культуру, образ жизни, знания. На огромных пространствах покоренного Востока строятся города с правильной планировкой, с традиционными для греков стадионами, палестрами. Поход на Восток вызвал мощную обратную волну ориентализации, которая сначала накрыла эллинистический, а затем и римский мир. Греческая культура в этих условиях утрачивает свои специфические черты, насыщаясь восточными идеями и образами. Это выразилось и в переосмыслении классической философской онтологии, когда в период позднего эллинизма в синкретических учениях появляются идеи о том, что мировое начало имеет личностные черты. По мнению А.Ф. Лосева, эти учения противоречили классической античной философской традиции, поскольку были «отравлены... интуициями личности...» [16, с. 186].

В христианстве эта тенденция, отражающая закономерный процесс самопознания человека, оказалась реализованной наиболее полно. Христианство, в значительной мере вобравшее в себя античное наследие, открыло новые измерения человеческой духовности и тем самым явилось новым этапом в эволюции личностного начала. Но развивалось оно в этот период прежде всего в сфере идеологии (религии), а в отношении социальных практик можно говорить об определенной деградации личностного начала: «Средневековье, сосредоточив и дисциплинировав духовные силы человека, вместе с тем связывало их. Оно держало их в подчинении духовному центру, оно централизовало всю человеческую культуру. Это подчинение было во всем складе средневековой культуры» [17, с. 101]. Лишь с наступлением Нового времени европейское общество возвращается к принципам личностного самоопределения, заложенным в античную эпоху: «на заре нового времени произошла децентрализация, были отпущены на свободу творческие силы человека» [Там же. С. 102]. Эти принципы задали направление развития культуры индустриального и далее — постиндустриального общества, поэтому исследование культурного наследия Древнего мира оказывается ключом к пониманию всей европейской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Губин В.Д., Стрелков В.И.** Власть истории. Очерки по истории философии истории. М.: Изд-во РГГУ, 2007. 336 с.
2. **Козлова О.Н.** Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2010. № 3. С. 113–130.
3. **Уайтхед А.** Избранные работы по философии / пер. с англ. А.Ф. Грязнова, И.Т. Касавина и др. М.: Прогресс, 1990. 716 с.
4. **Андреев Ю.В.** Цена свободы и гармонии. СПб.: Алетейя, 1998. 400 с.
5. **Вейнберг И.П.** Рождение истории: историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М.: Наука : Восточная лит., 1993. 352 с.
6. **Вернан Ж.-П.** Происхождение древнегреческой мысли [пер. с фр.] / общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича; послесл. Ф.Х. Кессиди. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
7. **Степин В.С.** Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
8. **Аристотель.** Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1979. 687 с.
9. **Аристотель.** Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
10. **Платон.** Сочинения. В 3 т. Т. 3, ч. 1. М.: Мысль, 1971. 687 с.
11. **Кон И.С.** Открытие «я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
12. **Шишков С.** Преступление и наказание в мире магии, мифов и колдовства // Наука и жизнь. 2016. № 1. С. 42–54.
13. **Зайцев А.И.** Греческая религия и мифология. М.: Академия, 2005. 208 с.
14. **Платон.** Сочинения. В 3 т. Т. 3, ч. 2. М.: Мысль, 1972. 678 с.
15. **Античная литература** / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Просвещение, 1973. 439 с.
16. **Лосев А.Ф.** История античной философии в конспективном изложении. М.: ЧеРо, 1998. 192 с.
17. **Бердяев Н.А.** Смысл истории М.: Мысль, 1990. 173 с.

ГУРА Владимир Аврамович — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kaphphil_2005@list.ru

ПАЗУХИНА Ольга Ростиславовна — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: opasuch@mail.ru

V.A. Gura, O.R. Pazukhina

ORIGIN OF PERSONALITY ELEMENT IN ANCIENT PHILOSOPHY, RELIGION, CULTURE

The article states that the vector of historical change is directed towards the origin and development of individual personality. The authors understand personality as a historical phenomenon which is the degree of man's inner motivation and also as a relative independence from the outer social conditions. The article considers the main ideas of Ancient Greek religion, art and philosophy as the evidence of personal self-consciousness and independent action in the ancient world and claims that this is the result and the

condition of the ancient world social practices. Such practices were the democratic mechanisms of the Ancient Greek society. Thus, the culture of this country and time became the starting point of the European cultural development with its system of basic values.

PERSONALITY; MOTIVATION; CULTURE; DEMOCRACY; SOCIAL PRACTICES; SELF-CONSCIOUSNESS.

REFERENCES

1. Gubin V.D., Strelkov V.I. *Vlast' istorii. Ocherki po istorii filosofii istorii* [The power of history. Essays on history of philosophy of history]. Moscow, RGGU Publ., 2007. 336 p. (In Russ.)
2. Kozlova O.N. [The manipulation of consciousness and the subjectivity in the 21st century] // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University*, 2010, no. 3, pp. 113–130. (In Russ.)
3. Whitehead A. *Izbrannyye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 716 p. (In Russ.)
4. Andreyev Yu.V. *Tsena svobody i garmonii* [The price of freedom and harmony]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998. 400 p. (In Russ.)
5. Weinberg I.P. *Rozhdeniye istorii: istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysyacheletiya do nashey ery* [The birth of history: Historical thought of the Middle East in the middle of the first millennium B.C.] Moscow, Nauka Publ., 1993. 352 p. (In Russ.)
6. Vernant J.-P. *Proiskhozhdeniye drevnegrecheskoy mysli* [The origin of the Ancient Greek thought]. Moscow, Progress Publ., 1988. 224 p. (In Russ.)
7. Stepin V.S. *Teoreticheskoye znaniye. Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p. (In Russ.)
8. Aristotle. [Works]. In 4 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 687 p. (In Russ.)
9. Aristotle. [Works]. In 4 vol. Of vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 830 p. (In Russ.)
10. Plato. [Works]. In 3 vol. Of vol. 3, pt. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 687 p. (In Russ.)
11. Kon I.S. *Otkrytiye "ya"* [The Discovery of Self]. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 367 p. (In Russ.)
12. Shishkov S. [Crime and Punishment in the world of magic, myths and witchcraft]. *Science and Life*, 2016, no. 1, pp. 42–54. (In Russ.)
13. Zaytsev A.I. *Grecheskaya religiya i mifologiya* [Greek religion and mythology]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 208 p. (In Russ.)
14. Plato. [Works]. In 3 vol. Of vol. 3, pt. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 678 p. (In Russ.)
15. *Antichnaya literatura* [Ancient literature]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1973. 439 p. (In Russ.)
16. Losev A.F. *Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii* [History of Ancient Philosophy in Short]. Moscow, CheRo Publ., 1998. 192 p. (In Russ.)
17. Berdyayev N.A. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 173 p. (In Russ.)

GURA Vladimir A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kaphphil_2005@list.ru

PAZUKHINA Olga R. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: opasuch@mail.ru